

ТАЛНАХ-ОУМ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

СЕМЁН СИДОРИН

Семён Сидорин

Талнах-Оум Противостояние

«Автор»

2026

Сидорин С. А.

Талнах-Оум Противостояние / С. А. Сидорин — «Автор», 2026

В недрах железной горы Талнах, где прогресс питается жизнями рабов, а магия стали не знает пощады, зреет буря. Дарэн — бесправный подросток из касты Шлака, случайно пробудивший в себе запретную мощь Пустоты. Он — единственная угроза для тирании Никелевого князя и его амбициозного советника Рауга. Лиара, дочь Рауга, ведёт опасную двойную игру, становясь для Дарэна якорем в реальности, пока тьма внутри него пожирает память. Гвардия изгоев под предводительством Борга готовится нанести удар по устоям системы. Противостояние нарастает: союз противоположностей бросает вызов вековой тирании, но цена победы оказывается невыносимой. В финале Дарэну предстоит сделать роковой выбор: спасти мир, окончательно пожертвовав своей человечностью, или сохранить остатки себя, обрекая Талнах на вечное рабство. Сможет ли он найти третий путь — или сама система не оставляет шансов на спасение?

© Сидорин С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Семён Сидорин

Талнах-Оум Противостояние

Глава 1

В недрах Морозных шпилей время застыло так же прочно, как и ржавые шестерни заброшенных лифтов. Воздух здесь был пропитан запахом старого льда и едкой окалины. В импровизированной кузне, затерянной среди сплетения обледенелых труб, кипела работа, которую Талнах назвал бы ересью, а Никелевый князь — смертным приговором. Горны гудели на пределе, их утробный рокот отдавался в грудных клетках рабочих, чьи тени плясали на стенах, словно испуганные духи. Металл плавился, превращаясь из безжизненных кусков руды в острые грани будущих клинков и затворов карабинов. Это был хаос, упорядоченный лишь волей Борга и инженерным гением Рема.

Дарэн стоял у самой отдушины, там, где жар от главных котлов пытался вырваться наружу, грозя выдать их местоположение тепловизорам Рауга. Его работа была самой важной и самой мучительной. Он был живым щитом, ледяным барьером, поглощающим инфракрасное излучение кузни. Подросток расставил руки, едва касаясь кончиками пальцев раскаленного чугуна. Из его ладоней струилась серая дымка Пустоты, которая жадно впитывала тепло, не давая ему покинуть пределы башни.

Вокруг него стены уже покрылись толстым слоем угольно-черного инея.

Дыхание Дарэна вырывалось из легких облачками ледяной крошки.

Каждый вдох давался с трудом, легкие словно кололи сотни крошечных лезвий. Он привычно считал удары своего сердца, стараясь не слушать шелест маны в собственных венах. Двести сорок... двести сорок один...

Внезапно гул горнов перекрыл другой звук. Низкий, вибрирующий рокот магнитных приводов, который невозможно было спутать ни с чем. Патруль Магнитных Стражей обходил ярус. Они были близко — настолько, что Дарэн почувствовал, как задрожали под ногами стальные плиты пола. Работа в кузне мгновенно замерла. Люди застыли в тех позах, в которых их застал звук вражеских двигателей. Молотобоец занес тяжелый инструмент над наковальней, но не опустил его; рабочий, подносящий уголь, замер согнувшись, боясь даже выдохнуть. В помещении воцарилась такая тишина, что было слышно, как остывает металл.

Морок внутри Дарэна довольно зашевелился. Тварь Пустоты почувствовала близость врагов, почувствовала их страх и их силу.

— Дай мне их... — прошептал голос в голове мальчика, похожий на скрежет металла по стеклу. — Дай мне этот свет, и я превращу их в пепел. Ты же чувствуешь, как они близко? Всего лишь один рывок...

Дарэн до боли закусил губу. Всплеск маны был неизбежен, если он не укротит сущность. Пустота начала пульсировать, пытаясь вырваться наружу, пробить термический кокон, который он так старательно выстраивал. Из-за этого резкого перепада энергии давление в паровой магистрали за его спиной подскочило. Старая труба, источенная коррозией, жалобно застонала.

Ослабевший клапан начал издавать тонкий, пронзительный свист.

Это был звук смерти. В акустически чистом пространстве Морозных шпилей этот свист для Магнитных Стражей был подобен взрыву сигнальной ракеты. Стражи снаружи остановились. Дарэн слышал, как лязгнули их магнитные захваты, когда они начали разворачивать поисковые модули в сторону их башни.

Рем, почти слепой инженер, чьи уши заменяли ему глаза, среагировал первым. Он не видел, где находится трещина, но он чувствовал движение воздуха. Старик бросился к гудящей магистрали, спотыкаясь о ящики с деталями. Его руки, испещренные старыми шрамами от ожогов и мазута, взметнулись вверх. Он нашел место утечки на ощупь, ориентируясь по обжигающей струе пара.

Без колебаний Рем прижал ладони прямо к раскаленной трубе, закрывая дыру.

Раздалось жуткое шипение плоти, соприкоснувшейся с белым жаром. Запах паленой кожи мгновенно наполнил тесный отсек, но старик даже не вскрикнул. Он лишь плотнее прижался к металлу, стиснув зубы так, что они заскрежетали. Его лицо исказилось в гримасе невыносимой боли, но свист прекратился. Тишина снова стала абсолютной, если не считать прерывистого дыхания людей, запертых в этой железной ловушке.

Морок продолжал бесноваться. Он требовал платы.

«Ты хочешь тишины? — издевался голос. — Тогда отдай мне то, что делает тебя теплым. Отдай мне память, и я спрячу вас в самой глубокой тени».

Дарэн зажмурился. Он знал, как это работает. Он нырнул вглубь себя, пролистывая образы, словно страницы обгоревшей книги. Ему нужно было что-то холодное, что-то, что соответствовало бы нынешнему моменту. И он нашел.

Первый снег.

Ему было пять или шесть лет. Он стоял на пороге хижины, и с неба падали белые хлопья. Они казались ему волшебными. Он помнил, как одна снежинка опустилась на его ладонь — крошечная, идеальная звезда. Он помнил это удивительное чувство первого холода на коже, искренний восторг ребенка, который впервые увидел чудо природы.

— Забирай, — мысленно выдохнул он.

Пустота внутри него жадно набросилась на воспоминание. Дарэн почувствовал, как образ снежинки начинает блекнуть. Восторг сменился равнодушием. Знание о том, что снег существовал, осталось, но ощущение чуда исчезло навсегда. Теперь «первый снег» был для него просто набором звуков, лишенным всякого смысла и тепла.

В ту же секунду черная дымка вокруг Дарэна стала гуще. Она буквально втянула в себя излишки тепла и магических вибраций, превращая кузню в «мертвую зону» для любых радоров.

Снаружи раздался недовольный гул. Стражи за шлюзом еще несколько секунд сканировали стену. Магнитные захваты лязгнули снова, на этот раз удаляясь. Шаги тяжелых сапог стали затихать, пока не растворились в бесконечных коридорах Шпилей. Патруль ушел.

Рем медленно сполз по трубе, его ноги подкосились. Он рухнул на покрытый инеем пол, судорожно прижимая обожженные, дымящиеся ладони к черному льду. Его грудь тяжело вздымалась, а на лбу выступил холодный пот.

Дарэн опустил руки. Его била крупная дрожь. Он подошел к инженеру и сел рядом, чувствуя, как внутри него зияет новая пустота.

— Они ушли, — прошептал мальчик. Голос его звучал бесцветно, словно он говорил из глубокого колодца.

Рем открыл глаза. В их незрячей глубине отражались искры от затухающих горнов.

— Я слышал... — прохрипел старик, пытаясь улыбнуться через силу. — Слышал, как твой страх замолчал. Хорошая работа, малец.

— Вы... ваши руки, — Дарэн посмотрел на изуродованную кожу Рема. — Зачем вы это сделали? Можно же было использовать ветошь или...

— Ветошь не дает герметичности, — отрезал инженер, морщась от боли. — А металл чувствует только живое тепло. В Талнахе нас учили, что сталь требует жертв. Сегодня я отдал ей кожу, а ты... Ты отдал ей что-то поважнее, верно?

Дарэн промолчал. Он пытался вспомнить то чувство из детства, когда снежинка тает на руке, но в голове была лишь серая пыль.

— Я просто хотел, чтобы они не вошли, — ответил он наконец.

— Они и не войдут, — Рем с трудом поднялся, опираясь на локоть. — Пока мы готовы платить эту цену, Гвардия будет жить. Иди к горну, парень. Нам нужно закончить партию стволов до рассвета. Сталь не ждет, пока мы оплачем свои потери.

Дарэн кивнул. Он встал и вернулся к своей отдушине.

Работа в кузне возобновилась. Снова запели молоты, снова загудело пламя. Рабочие переглядывались, в их глазах страх сменился угрюмой решимостью. Они видели, на что готовы их лидеры ради этой тишины.

Дарэн снова развел руки, впитывая жар. Стены опять начали покрываться черным инеем, скрывая их маленькое восстание от глаз Рауга. Мальчик продолжал считать удары сердца. Триста двенадцать... триста тринадцать...

Гвардия продолжала ковать свое будущее в абсолютном безмолвии, оплаченном кровью инженера и душой мастера Пустоты.

Тяжелый, утробный гул гидравлического молота вгрызался в барабанные перепонки, становясь частью сердцебиения. Герт чувствовал, как этот ритм выжимает из него последние соки, превращая кости в вибрирующую труху, а мысли — в вязкий мазут. В кузнице Морозных шпилей стояло марево из металлической пыли и раскаленного пара, которое едва сдерживала ледяная воля Дарэна. Герт украдкой взглянул на подростка: тот стоял неподвижно, покрытый черным инеем, словно живое изваяние из обсидиана. Вокруг кипела работа, гвардейцы собирали карабины, их лица были серыми от копоти и хронического недосыпа. Пахло жженым маслом и озоном — запахи войны, которая еще не началась, но уже пожирала их заживо.

Смена закончилась, и люди повалились там, где стояли.

— Я подменю Вальдо на внешнем дежурстве, — хрипло бросил Герт, не глядя никому в глаза. — Ему совсем плохо, пусть поспит лишний час.

Старый Борг, протиравший обсидиановый щит замасленной ветошью, лишь коротко кивнул. Усталость в убежище была настолько густой, что её можно было резать ножом, и никто не заподозрил подвоха в добровольной жертве рабочего. Герт подхватил тяжелую куртку, подбитую мехом горного волка, и вышел в шлюзовую камеру. Металлическая дверь с лязгом отсекала жар горнов, погружая его в ледяное безмолвие Нижних ярусов.

Холод ударил в лицо, выбивая из легких остатки тепла.

Герт двигался быстро, его ботинки с шипованной подошвой почти не оставляли следов на промерзшем настиле Ледяного каньона. Это было гигантское ущелье между двумя жилами рудной горы, где вечная мерзлота сражалась с теплом паровых магистралей. Здесь тени были длинными и острыми, как ножи, а ветер завывал в вентиляционных решетках, имитируя голоса призраков. Он прошел мимо заброшенной насосной станции и нырнул в узкий проход, скрытый за глыбой обледенелого шлака. Сердце колотилось в ребра, словно пойманная птица, а ладонь в кармане до боли сжимала холодный латунный тубус с чертежами Рема.

Из глубокой, непроницаемой тени вышла фигура.

Это была Пепельная ищейка Рауга. Её подвижная чешуйчатая броня переливалась в свете аварийных ламп, имитируя текстуру камня и металла, становясь почти невидимой. За решетчатой маской тлело оранжевое свечение — окуляры тепловизоров, которые сейчас сканировали каждый сосуд в теле Герта. Ищейка двигалась с неестественной грацией хищника, её шаги не издавали ни звука, лишь едва слышный шелест чешуек выдавал движение. От неё пахло серой и чем-то стерильно-холодным, что заставляло кожу Герта покрываться мурашками.

— Принес? — голос ищейки был лишен интонаций, механический и сухой.

— Сначала покажи их, — Герт сглотнул ком в горле, его голос дрогнул.

Агент Рауга медленно поднял руку в бронированной перчатке. На его запястье щелкнул портативный проектор, и над снегом развернулось зернистое голографическое изображение. Герт почувствовал, как мир вокруг него начинает рушиться. На экране он увидел своих детей: маленькая Мия и десятилетний Тим сидели в тесной клетке из ржавой арматуры. Клетка висела прямо над распределительным узлом Великого Котла, где из клапанов вырывались струи багрового, светящегося пара. Дети прижимались друг к другу, их лица были бледными, испачканными сажей, а глаза — огромными от ужаса. Тим пытался закрыть сестру собой от обжигающих брызг конденсата.

— Папа... — едва слышный шепот Мии прорвался сквозь помехи записи.

— Хватит! Выключи это! — закричал Герт, делая шаг вперед, но ищейка мгновенно выставила вперед руку с выдвижным лезвием.

— Доказательства предоставлены, — холодно произнес агент. — Теперь цена за их жизни. Нам нужна схема вентиляционных шахт, которые ведут к кузнице. Ты же хочешь, чтобы они переехали в Верхние ярусы? Там чисто. Там нет Кровавого пара. Рауг лично распорядится об аннулировании твоего кастового долга. Ты станешь «Мастером-Ковачом», Герт. Твоя семья будет в безопасности.

Герт посмотрел на латунный тубус в своей руке. В нем были недели труда Рема, надежда всей Гвардии на прорыв блокады и спасение сотен таких же бедолаг, как он. Он вспомнил лицо Дарэна, который медленно убивал себя Пустотой, чтобы защитить их всех. Он вспомнил Борга, доверившего ему дежурство.

— Ты обещаешь, что их отпустят сейчас же? — Герт протянул тубус, его рука заметно дрожала.

— Условия сделки: информация в обмен на перевод в Верхние ярусы, — ищейка выхватила тубус из его пальцев и спрятала в недрах своего плаща. — Рауг не любит ждать. Как только мы подтвердим подлинность чертежей, твои дети покинут Котёл. Но тебе придется вернуться. Когда каратели войдут в сектор, ты должен подать световой сигнал из третьего окна башни. Это подтвердит, что основные силы Гвардии на месте.

— Это не было частью сделки! — выдохнул Герт, чувствуя, как холод каньона пробирается в самую душу.

— Сделка меняется, когда в ней участвует Советник, — агент начал растворяться в метели, его броня сливалась с окружающим хаосом снега и тени. — Помни об оранжевом свете, рабочий. Если сигнала не будет — Котёл откроется.

Ищейка исчезла, оставив Герта одного среди ледяных скал. Он стоял, глядя на свои пустые ладони, и тишина каньона казалась ему оглушительным обвинением. Ветер хлестал его по лицу, словно пытаясь смыть позор, но предательство уже свершилось. Герт понимал, что Рауг никогда не держит слова, что Верхние ярусы — это лишь очередная клетка, просто более золоченая. Но страх за детей, тот первобытный, животный ужас перед Кровавым паром, выжиг в нем всё остальное.

Он должен был спасти их, чего бы это ни стоило.

Герт медленно побрел назад к Морозным шпильям. Каждый шаг давался ему с огромным трудом, словно его сапоги были налиты свинцом. Когда он вернулся в кузницу, его встретил всё тот же гул молота и запах горячего масла. Товарищи всё еще спали или работали в полубабыти, никто не поднял головы. Рем склонился над каким-то прибором, его единственный глаз лихорадочно блеснул в свете искр. Герт быстро прошел к своему месту у пресса, стараясь ни на кого не смотреть. Ему казалось, что клеймо предателя горит на его лбу ярче, чем любой оранжевый фонарь.

Он занял свой пост, и его руки привычно легли на рычаги управления.

— Всё тихо, Герт? — спросил Борг, проходя мимо. Его голос звучал глухо, но в нем слышалась забота.

— Тихо, — ответил Герт, и это слово едва не задушило его.

Теперь он был частью механизма, который должен был уничтожить Гвардию. Он смотрел на Дарэна, на Рема, на своих друзей, и видел в них лишь мертвецов, чьи жизни он обменял на призрачную надежду. Герт сжал рычаги так сильно, что костяшки побелели. Где-то там, в темноте Нижних ярусов, Пепельные ищейки уже разворачивали свои маскировочные поля, готовясь к прыжку. А он, Герт, будет тем, кто откроет им дверь, когда придет время подать сигнал.

Часы начали свой обратный отсчет в тени предательства.

Первым пришел звук — не крик и не грохот обвала, а тонкий, противоестественный свист распиливаемого пространства. Термитные заряды «Пепельных ищейек» вгрызались во внешние шлюзы Морозных шпилей, и сталь под их напором не просто плавилась — она исходила кровавыми слезами, превращаясь в шипящий шлак. Запахло жженым озоном и едкой химией, от которой в горле мгновенно запершило. Сквозь вентиляционные решетки, воя и толкаясь, повалил тяжелый желтоватый газ.

— Газ! Всем маски! — голос Борга перекрыл начавшуюся суету, но в нем уже не было прежней уверенности. — Рем, клапаны! Живо!

Старый инженер рванулся к центральному распределителю, спотыкаясь о разбросанные заготовки карабинов. Его единственное зрячее око металось, выхватывая из полумрака очертания маховиков. Рем вцепился в рычаг отсечки воздуха, его искалеченные руки в обрывках бинтов напряглись до предела. Скрежет металла о металл возвестил о том, что подача перекрыта, но легче не стало.

Давление в магистралях, питающих кузню «кровавым паром», внезапно рухнуло.

Стрелки манометров упали на ограничители, словно подкошенные.

— Что происходит?! — выкрикнул кто-то из рабочих, хватаясь за уши. — Воздух... где воздух?

Раздался глухой хлопок — баротравма настигла тех, кто не успел вовремя продуть носоглотку. Люди падали на колени, из ушей и носов потекла тонкая струйка крови. В кузне воцарилась звенящая, мертвая тишина, которую нарушало только прерывистое дыхание Дарэна.

Юноша стоял в самом центре помещения, его фигура подергивалась в конвульсиях.

Он больше не контролировал Пустоту; теперь Пустота контролировала его, высасывая энергию из каждой шестеренки, из каждого грамма пара в системе.

Дарэн чувствовал, как мир вокруг него схлопывается в бесконечно малую точку.

Сознание провалилось в вязкую, холодную жижу. Морок внутри него рычал, требуя пищи, требуя настоящих чувств, чтобы превратить их в оружие. Дарэн знал, что если отдаст ему истинные воспоминания, от него самого не останется даже имени.

«На... ешь это...» — мысленно прохрипел он, подсовывая сущности суррогат.

Он вызвал в памяти образ того, как его били в рудниках, но искусственно раздул эту боль, смешал её с яростью, которой никогда не испытывал, и приправил страхом, выдуманным от начала до конца. Это были фальшивые кадры, но боль в них была настоящей — той самой, что сейчас прошивала его нервы наяву.

Морок заглотив наживку с жадным причмокиванием.

В ту же секунду правая рука Дарэна начала стремительно меняться.

Кожа серела, твердела и трескалась, превращаясь в иссиня-черную обсидиановую корку. В глубоких разломах, прорезавших плоть до самой кости, вспыхнуло ядовито-фиолетовое свечение. Это был свет не жизни, а распада, свет самой энтропии.

— Дарэн, остановись! — крикнул Рем, но его голос оборвался.

Металлический протез инженера начал вибрировать и дымиться. Тонкие медные провода внутри него вспыхнули зеленым пламенем, а магнитные линзы в искусственном глазу лоп-

нули с сухим треском. Рем вскрикнул, закрывая лицо руками, когда его оборудование начало буквально рассыпаться в прах под воздействием поля Пустоты.

Оранжевое пламя горнов, до этого яростно ревевшее, начало бледнеть. Оно съёживалось, прижималось к углям, словно пытаясь спрятаться от неминуемой смерти. Свет в кузне стал тусклым, серым, а по стенам пополз угольно-черный иней.

Температура в помещении упала так резко, что влага в воздухе мгновенно превратилась в ледяную пыль.

Дарэн открыл глаза. В них не осталось зрачков — только бесконечные бездны фиолетового тумана.

— Уходите... — это был не его голос. Это был шелест сотен мертвых листьев.

Он вскинул обсидиановую руку, и из центра ладони вырвалась волна абсолютного холода.

Горючий газ, заполнивший помещение, не вспыхнул — он просто замерз, выпадая на пол тяжелым, безвредным осадком, похожим на желтый снег. Термитные заряды на шлюзах, только что плавившие сталь, покрылись слоем льда и погасли.

Снаружи раздались крики ужаса.

Тепловизоры «пепельных ищек» не просто вышли из строя — они взорвались прямо перед глазами нападающих, ослепляя их и превращая шлемы в ловушки. Магнитные приводы их брони заклинило от температурного шока. Враги, еще секунду назад бывшие непобедимыми хищниками, теперь в панике отступали, бросая снаряжение и спотыкаясь в темноте коридоров.

Дарэн тяжело опустил руку. Фиолетовое свечение начало угасать, оставляя после себя лишь мертвую, черную корку.

Он пошатнулся и едва не упал, если бы Борг не подхватил его. Старый воин держал руку на эфесе меча, и его взгляд был полон не благодарности, а ледяной настороженности. Он смотрел на Дарэна так, словно перед ним стоял не подросток, а взведенная бомба, которая может сработать в любой миг.

— Ты в порядке, парень? — спросил Борг, но не сделал попытки обнять его или помочь сесть.

Дарэн посмотрел на свою руку. Обсидиан не исчез. Он врос в его плоть, заменив её собой до самого локтя. Юноша попытался пошевелить пальцами, и раздался тихий, пугающий скрежет камня о камень.

— Что со мной? — его собственный голос вернулся, но звучал он надтреснуто.

— Ты меняешься, — Рем подошел ближе, баюкая свою поврежденную руку. Он смотрел на Дарэна с профессиональным интересом патологоанатома. — Эта корка... она не просто сверху. Твои клетки перестраиваются. Металл, углерод, мана — всё превращается в этот проклятый камень. Скоро внутри этой оболочки не останется ничего живого.

— Мы все стали чем-то иным в этом месте, — глухо произнес Борг. — Но ты, Дарэн... ты теряешь человечность быстрее нас всех. В следующий раз ты можешь не захотеть подсовывать Мороку фальшивки. И тогда мы все станем частью этого инея.

Дарэн ничего не ответил. Он чувствовал, как холод обсидиана медленно поднимается выше по предплечью, просачиваясь в кровь.

В углу кузни, вжавшись в покрытую инеем стену, сидел Герт.

Его лицо было бледным, как у покойника, а глаза лихорадочно блестели сквозь пелену слез. Он видел всё: и предательство металла, и превращение Дарэна. В его кармане всё еще лежал пустой латунный тубус, который он отдал ищейке, и эта тяжесть казалась ему неподъемной.

Герт понимал, что он продал их всех.

Он продал их за обещание спасти детей от Кровавого пара, но Рауг обманул его, как и всех остальных. Глядя на обсидиановую руку Дарэна, Герт осознавал, что его предательство

стало тем самым толчком, который окончательно вытолкнул мальчика за пределы человеческого мира.

«Что я наделал?» — эта мысль билась в его голове, словно раненая птица.

Дарэн перевел взгляд на Герта. В его глазах еще плескались остатки той фиолетовой пустоты — безжизненной, равнодушной ко всему существу. В этом взгляде не было обвинения, потому что для того, чтобы обвинять, нужно было еще что-то чувствовать. И это было самое страшное.

Герт задрожал. Ему казалось, что никакое золото Талнаха, никакие Верхние ярусы не смогут согреть его после этого холода.

Он видел, как вместе с кожей Дарэна в камень превращается его собственная душа. Она покрывалась такими же трещинами, из которых вместо магии сочилась черная, липкая вина. Герт закрыл лицо ладонями, но образ обсидиановой руки продолжал стоять перед глазами, как вечное напоминание о цене спасения.

— Нам нужно уходить, — голос Борга разрезал тишину. — Ищейки вернутся с подкреплением.

— Куда? — спросил Рем, глядя на свои разрушенные приборы. — Шлюзы заблокированы, связи нет. Мы в ловушке.

— Мы сами прорубим путь, — Борг посмотрел на Дарэна. — У нас есть то, чего Рауг не учел. У нас есть сила, которая не подчиняется законам этого мира.

Дарэн медленно поднялся. Его движения были скованными, лишенными прежней подростковой легкости. Каждое смещение обсидианового плеча сопровождалось звуком, от которого у Герта сводило зубы.

Мальчик пошел к выходу, и иней под его ногами со звоном рассыпался на тысячи осколков.

Он больше не боялся ищеек. Он не боялся газа или термита.

Единственное, что вызывало у него трепет — это тихий шепот Морока, который теперь звучал почти ласково: «Ты видишь? Мы — одно целое. Скоро ты забудешь, что когда-то был теплым».

Герт поднялся вслед за остальными, стараясь держаться в самом конце отряда. Он боялся даже случайно коснуться Дарэна. Предательство сделало его изгоем среди своих, но вид этой черной руки сделал его свидетелем рождения чего-то ужасающего.

Они вышли в темный коридор, оставляя позади мертвую кузню и замерзшее пламя горнов.

Впереди была только неизвестность, пахнувшая озоном и старой кровью.

Талнах содрогался от работы Великого Котла, но здесь, в Нижних ярусах, время словно остановилось, скованное волей одного мальчика, который перестал считать удары своего сердца.

Потому что камень не умеет биться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.